

Спустя двадцать минут Лу Циньянь уже лежал в постели, лениво копаясь в телефоне.

На самом деле этот аппарат не представлял для него особой ценности, да и список контактов в WeChat, принадлежавший прежнему владельцу тела, не имел к нему никакого отношения. Однако если Weibo оригинала казался ему «захватывающим», то WeChat оказался куда более впечатляющим.

Циньянь не собирался копаться в чужом грязном белье, но как только он зашел в приложение, перед ним развернулся целый парад собеседников. Первое, что бросилось в глаза — это то, как оригинал подписал свои контакты.

Пропустив закрепленных Лао Вана и Вэнь Цзюэ, а также рабочую группу со скрытыми уведомлениями, Лу Циньянь пробежался взглядом по списку ниже. Имена первых четырех человек начинались одинаково.

«Запасной вариант №1», «Запасной вариант №2», «Запасной вариант №3»... Это что же получается, у прежнего Лу Циньяня было целых три «запаски»?

Ну и неразбериха. От одних только этих ярлыков у него разболелась голова. К тому же он проверял сплетни об оригинале и не нашел ни единого упоминания об этих людях. Прошрое «Лу Циньяня» в плане отношений казалось девственно чистым — если не считать недавних слухов о нем и Вэнь Цзюэ.

Такая безупречная репутация выглядела подозрительно.

Лу Циньянь поочередно проверил имена «запасных» в сети и обнаружил, что все они — люди из индустрии. Среди них были и актёры, с которыми оригинал когда-то работал, и те, с кем он не пересекался на сцене, но явно поддерживал тесную связь за кулисами. Тут были и популярные молодые актёры, и известные певцы, и артисты с весьма достойными отзывами о профессиональных навыках.

Как они познакомились — Лу Циньяня не интересовало. Судя по времени последних сообщений, лишь с «Вариантом №1» контакт поддерживался недавно, с остальными же переписка заглохла еще месяц назад. Впрочем, месяц — срок небольшой.

«Запасной вариант №1» писал Лу Циньяню в тот день, когда тот попал в тренды, но ответа так и не получил. Тогда он хоть и разблокировал телефон, мельком взглянув на висящие уведомления, но отвечать не стал — да и что он мог сказать?

Он и сейчас решил проигнорировать сообщения, не желая множить проблемы. Но в глубине души Циньянь понимал: если он и дальше будет держать дистанцию, рано или поздно кто-то из этой троицы доставит ему неприятностей.

Заметку, которую оригинал оставил на контакте Вэнь Цзюэ, Лу Циньянь не мог читать без содрогания: «Мужчина, которого я обязан заполучить». Увидь Вэнь Цзюэ такое, Циньянь просто сгорел бы со стыда.

Испытывая жгучую неловкость, он немедленно переименовал контакт в лаконичное «Вэнь Цзюэ». Так стало куда спокойнее.

Что касается их последней переписки, она состоялась как раз в день «переселения» Лу Циньяня. Последним сообщением было фото от оригинала: селфи в светло-фиолетовом парике и платье с кружевами. Подпись гласила: «Я сегодня красивый?»

Лу Циньянь, поддавшись странному импульсу, открыл фото и долго вглядывался в него. Кожу мгновенно обсыпало колкими мурашками — причем не только на руках, а по всему телу. Этот любитель женских переодеваний обладал точно таким же лицом, как у него самого. Смотреть на него было всё равно что смотреть в зеркало. Ему даже не нужно было напрягать воображение — образ «себя» в женском платье теперь навечно отпечатался в памяти.

«Если мне когда-нибудь придется надеть платье, я буду выглядеть именно так, — подумал он. — Впрочем, этого не случится. Никогда в жизни».

К счастью, всё это было лишь безответным обожанием оригинала. Вэнь Цзюэ так и не ответил на вопрос о красоте. С тех пор они ни разу не переписывались в WeChat. Когда тот просил его открыть дверь, он прислал обычное смс.

Лу Циньянь открепил чат с Вэнь Цзюэ, оставив наверху только Лао Вана и рабочую группу. Перекинувшись парой слов с менеджером, он отложил телефон на тумбочку и взял сценарий с ручкой.

Включив ночник, Циньянь углубился в чтение. В теплом желтом свете строки диалогов и его собственные пометки красным выглядели отчетливо. Он еще раз внимательно просмотрел две сцены, которые предстояло снимать завтра. Задумавшись, он устроился на место перед диваном.

Перед глазами возникли два призрачных силуэта: один пониже и постройнее, другой — высокий и мощный. Это были он сам и Вэнь Цзюэ. Лу Циньянь прокручивал в голове их недавнюю репетицию, вспоминая каждое наставление учителя.

Он пытался заново прочувствовать эмоции Линь Еци в тот момент: шок, гнев и пронзительную, едва уловимую печаль. Именно этот сложный коктейль чувств герой испытывал перед Чу Фанем.

«Главное — это взгляд», — к такому выводу пришел Лу Циньянь. В кино, когда персонаж переживает внутреннюю бурю, камера всегда дает крупный план. Глаза — это зеркало, через которое зритель проникает в самую душу героя.

Придя к этой мысли, Лу Циньянь сбросил одеяло и решительно направился к двери. Не для того, чтобы выйти, а потому что там, рядом с платяным шкафом, висело ростовое зеркало. Остановившись перед ним, он выпрямился и серьезно оглядел свое отражение.

У него были тонкие, изысканные черты лица. Большинство людей при первой встрече невольно замирали от восхищения. Лишь сам он не разделял этого восторга, считая свою внешность «вполне сносной». Больше всего его огорчал рост — едва дотягивающий до ста восьмидесяти сантиметров. Увы, надежды подрасти уже не было, что искренне его печалило. Но если забыть о внешности, у него было немало достоинств, и главным из них он считал умение полностью отдаваться делу.

В школе и университете ему часто признавались в любви и парни, и девушки, но Лу Циньянь тратил всё время на учебу. Он мечтал лишь об одном: заработать побольше денег, чтобы в свободное время путешествовать, видеть мир и отдыхать душой. Планы изменились, и он не знал, суждено ли этой мечте сбыться.

Лу Циньянь широко и искренне улыбнулся своему отражению, после чего тренировка началась официально. Он слегка похлопал себя по щекам, разминая мимические мышцы — лицу требовалась гибкость для передачи богатой гаммы чувств. Особое внимание он уделил взгляду.

В ту ночь Лу Циньянь пожертвовал двумя часами сна ради практики перед зеркалом. И хотя завтрашний день всё еще пугал неопределенностью, достигнутый результат его вполне удовлетворил. Закончив, он без сил рухнул на кровать, нащупал выключатель ночника, и комната наконец погрузилась в темноту.

От усталости Циньянь уснул мгновенно.

***

Следующее утро выдалось ясным. Солнечный свет, разлившийся вокруг золотистым морем, дарил приятное ощущение тепла. Это было первое, что почувствовал Лу Циньянь, выходя из отеля вместе с Лао Ваном. Как бы ему ни хотелось еще немного погреться под ласковыми лучами, пришлось забираться в фургон.

Мастер Чжан с ветерком помчал их к съёмочной площадке.

— Послушай, Сяо Янь-цзы, — вдруг подал голос Лао Ван, едва Лу Циньянь успел устроиться на сиденье, — ты вчера ходил к Вэнь Цзюэ?

— Нет, — коротко бросил тот.

— И что ты собираешься делать сегодня на площадке? — Лао Ван всплеснул руками и в ужасе уставился на подопечного.

— Положиться на волю случая, — Лу Циньянь едва сдержал желание закатить глаза, но он усмехнулся.

С самого утра Лао Ван затеял эту суету... Зачем? Пытается его взбодрить? Совершенно ни к чему. Пусть Лу Циньянь и лег поздно, голова у него была на удивление светлой.

— Как это — на волю случая?! — не унимался менеджер. — Сцена сложнейшая, там нельзя просто кривляться... Если ты вместо горя изобразишь радость, это же будет позорище!

Словно решив, что этого недостаточно, Лао Ван добил:

— Если ты так опозоришься, забудь, что я твой менеджер. И что мы друзья — тоже забудь.

«Ну и болтлив же он с утра пораньше...» — пробормотал про себя Лу Циньянь, окончательно смирившись с характером Лао Вана. Впрочем, он всё же пообещал вполне миролюбиво:

— Ладно тебе, замолчи хоть на минуту. Просто посмотришь на результат. Обещаю, ты не разочаруешься.

Не только Лао Ван, но и режиссер Фань возлагал на Лу Циньяня большие надежды. Ему не терпелось увидеть, насколько этот талантливый популярный молодой актёр подготовился к такой непростой сцене. Главное — чтобы ожидания оправдались.

Перед началом съемок Лу Циньянь сидел на своем обычном месте и перечитывал сценарий. Люди сновали вокруг, но он оставался безучастным к суете. Он даже не заметил, как к нему подошел и остановился прямо перед ним Вэнь Цзюэ.

— Эй, Лао Ван, послушай, этот Линь Еци... — Лу Циньянь, споткнувшись на какой-то мысли, хотел посоветоваться с менеджером, но краем глаза заметил стоящего перед ним человека.

Он поднял голову и на мгновение замер.

— Учитель... Учитель Вэнь? Что-то случилось?

— Пришел посмотреть на плоды твоих трудов, — бесстрастно произнес Вэнь Цзюэ, глядя на него сверху вниз. — Смотри не облажайся. Не позорь меня.

Хотя в его взгляде не было явной враждебности, Лу Циньяню показалось, что тот смотрит на него свысока, а в словах скрыты ледяные иголки.

— Понял. Но если ты сам не разболтаешь, никто и не узнает, что мне должно быть стыдно

именно перед тобой, — парировал Лу Циньянь.

Он был уверен в своей правоте: пока Вэнь Цзюэ молчит, никто не узнает об их вчерашней репетиции. И даже если он сыграет плохо, это будет его личный провал, а вовсе не позор Вэнь Цзюэ.

— Значит, без моего слова позориться тебе не страшно? — Вэнь Цзюэ ожидал от него чего угодно: мягких оправданий или кокетства, но никак не такого дерзкого отпора. Его взгляд стал пронзительнее.

А Лу Циньянь, словно испытывая судьбу на прочность, добавил:

— Ну, скажем так, кожа у меня достаточно плотная.

— Вижу, — отрезал Вэнь Цзюэ. — Идем. Пора начинать репетицию.

Бросив эту фразу, он развернулся и ушел, не оглядываясь. Люди, попадавшие ему на пути, в ужасе шарахались, завидев его мрачное лицо.

Лу Циньянь встал и взглянул на окончательно сбитого с толку Лао Вана. Он несколько раз открывал рот, пытаясь что-то объяснить, но в итоге так и не проронил ни слова. Махнув рукой на жаждущего ответов менеджера, он поспешил за Вэнь Цзюэ к режиссеру Фаню.

— А, Сяо Лу! — Режиссер отложил рацию и окинул взглядом подошедшего актера. — Ну как, готов к сегодняшнему бою?

— Режиссёр, я приложу все усилия.

В присутствии Фаня Лу Циньянь не решался на громкие заявления, предпочитая оставлять себе пространство для маневра. Но в одном он был честен: он действительно собирался выложиться на полную.

— Хорошо, верю. Давайте, прогоните сцену с Вэнь Цзюэ, я посмотрю. — Режиссер Фань придвинул кресло к мониторам и приготовился к зрелищу.

Лу Циньянь мельком глянул на Вэнь Цзюэ, но тот упорно игнорировал его — видимо, всё еще злился. Но как только прозвучала команда к началу, Вэнь Цзюэ преобразился. Какая бы обида ни кипела в нем секунду назад, сейчас он был полностью в образе, глядя Лу Циньяню в глаза.

Когда твой партнер по сцене — мастер такого уровня, это невольно заводит и тебя самого.

Перед началом прогона Лу Циньянь незаметно сжал кулаки. Он должен сделать всё идеально. Не только ради того, чтобы не ударить в грязь лицом перед Вэнь Цзюэ, но и ради самого себя, ради общего дела. Пусть минуту назад он вел себя дерзко, сейчас наступило время профессионализма.

Спустя десять минут, когда режиссер Фань зааплодировал, Лу Циньянь не сразу смог выйти из состояния эмоционального надрыва.

— Неплохо. Очень достойно.

В способностях Вэнь Цзюэ никто не сомневался, поэтому похвала явно предназначалась другому.

— Только знаешь что, — продолжил Фань, обращаясь к Лу Циньяню, — твой гнев может быть еще острее. Сейчас ты немного сдержался, не хватило взрывной силы в финале.

— Понял, режиссёр, — послушно кивнул тот.

Он сразу же взял сценарий и принялся заново прорабатывать эпизод, вспоминая детали, о которых вчера говорил Вэнь Цзюэ. Если забыть об их личных «трениях», тот был великолепным учителем, а Лу Циньянь — прилежным учеником. Благодаря их слаженной работе сцена в итоге была отснята с таким качеством, которого Фань даже не ожидал.

Обычно сухое «Снято!» в этот раз прозвучало с нескрываемым восторгом. Следом на Лу Циньяня обрушился поток искренних похвал от режиссера. И не только от него — сотрудники площадки, наблюдавшие за игрой дуэта, едва ли не хором восхищались тем, как глубоко Лу Циньянь прочувствовал роль. Все поражались тому, какой невероятный скачок совершил этот популярный молодой актёр.

Кто-то уже несколько дней гадал, что же послужило стимулом для таких перемен. Почему после того скандального стрима, где он порвал платье и выбросил парик, Лу Циньянь стал совершенно другим человеком? Это преображение можно было назвать «перерождением», но правду не знал никто, кроме него самого.

Многие втайне полагали, что за этими переменами стоит влияние Вэнь Цзюэ.

Слушая восторженные отзывы Фаня, Лу Циньянь наконец с облегчением выдохнул. Тяжелый камень, давивший на сердце, наконец упал, оставив лишь чувство заслуженного удовлетворения.